

мика Украины. – 2005. – №9. – С. 70-74.

7. Горицкая Н.Г. Основные фонды и инвестиции. – К.: Техніка, 2000. – 80с.

8. О.Жук, А.Озеран. Статистична звітність // Бухгалтерський облік і аудит. – 2005. – №8-9. – С. 74-87.

9. Судин В.А., Пономарев Ю.В. Эффективность основных фондов в промышленности. – К.: Наукова думка, 1991. – 276с.

Статья поступила в редакцию 07.12.2006

Ю.В. КИНДЗЕРСКИЙ, к.э.н., с.н.с.

Институт экономики и прогнозирования НАН Украины

ВОСПРОИЗВОДСТВО ОСНОВНОГО КАПИТАЛА В УКРАИНЕ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Воспроизводство рассматривается как непрерывное обновление процесса производства товаров, услуг, духовных благ в пределах отдельного предприятия или всего общества. Оно состоит из двух взаимосвязанных составляющих – воспроизводства производительных сил и воспроизводства экономических производственных отношений общества, которые связывают между собой основные стадии воспроизводства – производство, распределение, обмен и потребление [1, с. 223-224; 2, с.17-18; 3, с.5]. Под воспроизводством производительных сил понимают воспроизводство факторов производства – капитала (основного и оборотного), трудовых ресурсов (человеческого капитала), инноваций и знаний, под воспроизводством экономических производственных отношений – воспроизводство технико-экономических, организационно-экономических и социально-экономических отношений.

Проблемам воспроизводства было посвящено достаточно работ. Среди них в советский период следует особо отметить труды академика НАН Украины И.И. Лукинова [4], в постсоветский период – Н.С. Герасимчука, Б.Е. Кваснюка, Е.Ю.Болховитиновой [3; 5; 6]. Обобщил достижения ученых и выделил основные направления, по которым развивались исследования проблемы, Б. Плышевский в работе [7]. При этом следует сказать, что в изучении воспроизводства преобладал ресурсно-технологический аспект (система способов соединения ресурсов для производства благ), тогда как институциональному аспекту (механизмам социального упорядочения экономических действий) уделялось недостаточно внимания.

Поэтому целью этой статьи является изучение институционального аспекта воспроизводства, в частности тех особенностей, которые сформировались в экономике Украины в постсоветский период и оказали влияние на воспроиз-

водство основного капитала. Необходимость такого изучения вызвана тем, как отмечает академик РАН Д.С. Львов, что "игнорирование ... роли и значения институтов и институциональных изменений, несовместимость предлагаемых мер ... доминирующей в обществе иерархии институтов изначально обрекают реформы на неудачу" [8, с.9].

Воспроизводство основного капитала в институциональном аспекте в первую очередь следует связывать с функционированием института собственности, или института, который упорядочивает права собственности [9, с.11]¹. Реформирование отношений собственности в Украине было связано с изменением субъектов собственности (государства на частных собственников) путем разгосударствления и приватизации. В течение 1991-2003 гг. удельный вес государственной собственности сократился в 2,7 раза – с 79,4% до 29,9% в общем объеме основного капитала. Удельный вес частной и коллективной собственности за этот же период, наоборот, увеличился в 2,2 раза – с 20,6% до 44,9% [10, с.117; 11, с.320]. Следует при этом заметить, что эффективности приватизации не придавалось должного значения, процесс приватизации сводился лишь к юридическому переформлению прав собственности на активы предприятия и не связывался с привлечением дополнительных инвестиционных ресурсов и эффективным постприватизационным функционированием [12, с.29]. Считалось, что этого достаточно, поскольку это якобы сразу повысит

¹ Под правами собственности понимают правила и нормы, которые регулируют притязания хозяйствующих субъектов на распоряжение ограниченными ресурсами (в данном случае основным капиталом) и доходами, извлекаемыми в результате такого распоряжения, или притязания субъектов собственности на распоряжение объектами собственности [6, с.11].

© Ю.В. Киндзерский, 2007

эффективность использования объектов собственности через развитие частной хозяйственной инициативы и частного предпринимательства, так как частный собственник отождествлялся с частным предпринимателем. Не учитывался факт, что формирование предпринимателя как субъекта экономической деятельности в развитых странах прошло длительный эволюционный путь в условиях естественной конкуренции и развитой бизнес-среды, тогда как на постсоветском пространстве он сформировался быстро: путем искусственного превращения в предпринимателей (скорее по форме, чем по сути) представителей бывшей номенклатуры [13, с.4-6]. Также не было учтено, что в действительности собственник и предприниматель в одном лице в большей мере является исключением, чем правилом, поскольку для первого содержание собственности снижает прибыльность производственной деятельности, тогда как прибыль может быть получена в виде ренты от передачи права на использование собственности другому субъекту путем аренды или кредита. Тогда собственник становится не только предпринимателем, но и арендатором и кредитором, т.е. они выступают раздельно [14, с. 205-207].

Трансформация института собственности в Украине не решила проблему создания эффективного собственника и эффективного использования основного капитала. Несмотря на изменения в формах собственности и ежегодный прирост основного капитала, степень его износа продолжает увеличиваться. Если в 1990 г. она составляла 36,5% в целом по экономике, 49,7% в промышленности и 26,1% в сельском хозяйстве, то к концу 2003 г. показатель составил соответственно 48,1, 54,3 и 54,1% [15, с.275,278]. Примечательным является факт, что износ увеличивается вне зависимости от изменения формы собственности, при чем для коллективной он больше чем для государственной – в 2002 г. показатель составлял соответственно 51,9 и 48,7% [16, с.42]. Следует заметить, что понятие эффективности до настоящего времени осталось не дифференцированным, не выделялся субъект, для которого должна была быть достигнута эта эффективность. Принималось, что эффективность для собственника, для государства, для населения, для работников данного предприятия – это одно и то же. По нашему мнению, это не совсем так, поскольку то, что эффективно для собственника (например, высвобождение работников) может быть неэффективным для государства (увеличиваются его социальные расходы) и для самых работников

(размеры получаемой от государства помощи меньше от получаемого прежде заработка). Не учитывались другие обстоятельства, которые определяют эффективность собственника, в частности адекватность субъекта собственности объекту собственности, их общая адекватность внешней конъюнктурной среде, экономическая роль собственника в «связке» с предпринимателем.

Взаимосвязь субъекта и объекта собственности будет эффективной при условии существования в стране соответствующего политического, идеологического, этического настроения всего общества. В Украине до последнего времени этого не наблюдается. Особенностью трансформации отношений собственности явились неравные условия ее возникновения и получения разными слоями населения. Если большая собственность досталась по наследству от прежней системы, то средняя и малая собственность начала развиваться во время реформ. Если большая собственность была приватизирована фактически путем раздачи и распределения между представителями бывшей номенклатуры и директората, то средняя и малая собственность укреплялась благодаря работе своих владельцев, которые не имели отношения к власти. Это отразилось на неодинаковом отношении населения к частной собственности. По данным академика НАН Украины В.М. Гейца, в 2004 г. лишь 47,2% населения положительно относилось к частной собственности, тогда как 23,2% – отрицательно, частную собственность на землю признавали 42,1%, тогда как не признавали 31,4%, малую частную собственность воспринимали положительно 47,2%, отрицательно 25,2%. Именно из-за несправедливого распределения большой собственности к ней отрицательно относилось вдвое больше населения, чем к малой, что в целом составляло 56,1% населения, а 56,9% вообще считали, что реформы осуществлялись в интересах отечественных олигархов и только 11,7% – в интересах населения [17, с.5]. При реформировании института собственности в Украине также не были учтены мировые тенденции его трансформации. В частности имеются в виду укрупнение, капитализация и концентрация объектов собственности, которые повлияли на возникновение соответствующих изменений в структуре ее субъектов. Уменьшилась доля индивидуальных форм и увеличилась доля коллективных форм, усилились процессы обособления собственника от управления, делегирования другим своих прав собственности и принятия решений, перенесения основной ответст-

венности за эффективное использование собственности с самих собственников на тех, кто ею распоряжается и управляет, т.е. на управленческие звенья всех уровней [18, с.13].

Немалое влияние на эффективность использования собственности оказали внешняя конъюнктурная среда и унаследованная структура производства. Украина, будучи подсистемой единого народнохозяйственного комплекса бывшего СССР, не имела собственной экономической системы и вырабатывала лишь 20% конечного продукта, была технологически неоднородной с преобладанием отсталых технологических укладов и базовых отраслей промышленности [19, с.5]. Для примера, на конец 1990 г. удельный вес потребительских товаров в общем объеме производства машиностроительного комплекса бывшего СССР составлял около 5%, военной продукции – 63%, остальные 32% – это оборудование снова-таки для военных предприятий [20, с.48]. Последние были полностью сориентированы на госзаказы, поэтому практически не знакомы с конъюнктурой рынков гражданской продукции, а большинство их технологий не приспособлены к ее производству. Перепрофилирование этих технологий под производство нехарактерной для них гражданской продукции не повысило, а наоборот снизило эффективность использования собственности, повысив фондоемкость производства. Незнание и неприспособленность к внешней конъюнктуре вместе с либерализацией хозяйственной деятельности привели к значительной дифференциации как отдельных предприятий, так и целых отраслей за уровнем их инвестиционных возможностей, в целом сократив ресурсы модернизации производства, а значит и возможности повышения эффективности использования собственности.

Либерализация и открытость национальной экономики на фоне пассивности со стороны государства, непосредственное взаимодействие ее субъектов с субъектами мировой экономики послужили выстраиванию ее внешних и внутренних связей в соответствии с потребностями мировой экономики, приспособления к ним экономической структуры и направлений экономической политики Украины [19, с.6-9; 21, с.28]. Вследствие этого структура экономики и промышленности не улучшилась, а наоборот ухудшилась, углубляется деиндустриализация производства, свидетельством чего являются сокращения выпуска в натуральных показателях (не смотря на рост в стоимостном измерении) продукции основных фондосоздающих отраслей [22, с.19]. На фоне сокращения

доли перерабатывающих инвестиционных отраслей происходит рост производства (в натуральных и стоимостных показателях) продукции отраслей ресурсно-добывающих и первичной обработки, а также отраслей сферы обслуживания и торговли. Если рост первых указывает на сырьевую ориентацию развития, то рост вторых мог бы быть охарактеризовано как положительное явление, которое присуще высокоразвитому постиндустриальному обществу. С нашей точки зрения исключительно положительная оценка роста сферы услуг есть несколько преждевременной. Так, становление постиндустриального общества происходит на базе развитого высокотехнологического индустриального производства, тогда как в Украине производство фактически деиндустриализованное и технологически отсталое, поэтому нет достаточных оснований утверждать, что последствия расширения сферы услуг для Украины в средне- и долгосрочной перспективе будут такими же, которые ожидаются в развитых странах. Отсутствие соответствующей высокотехнологической базы может развернуть дальнейшее развитие страны в обратную сторону: не в постиндустриальное, а в доиндустриальное общество, которое в свое время переросло в индустриальное именно благодаря расширению торговли и услуг.

Фактором, который также оказал значительное воздействие на углубление структурных деформаций в экономике, стал ценовой фактор. Он снова в немалой степени сформировался вследствие чрезмерной открытости экономики и полной внешней энергоресурсной зависимости. Политика свободных цен вызвала изменения в ценовых соотношениях, при этом не учитывалось, что многоуровневая и технологически неоднородная экономика вообще не может быть отрегулирована с помощью цен [23, с.23-40]. Такая политика достигла лишь псевдорыночного равновесия, тем не менее, поспособствовала дальнейшей деградации отраслей конечного продукта, формированию в экономике инфляции издержек. Следствием этого стали межотраслевые ценовые перекосы, в частности опережающий рост цен на продукцию добывающих отраслей, ТЭК и металлургии по сравнению с ростом цен на продукцию перерабатывающих отраслей, более высокой рентабельностью базовых отраслей по сравнению с рентабельностью перерабатывающих отраслей. В частности, при росте общего индекса цен в 1,52 раза в 1991-2000 гг. цены на продукцию энергетики возросли в 5 раз, топливной промышленности – в 4,19, черной металлургии

– в 3,3, а машиностроения и легкой промышленности снизились, соответственно на 7 и 60 п.п. Это свидетельствует об углублении промышленного кризиса, росте удельного веса отраслей промежуточного продукта и уменьшения удельного веса отраслей конечного продукта [24, с. 15-29; 22, с. 19-20; 25, с. 710-717].

Внешнеэкономический конъюнктурный и ценовой факторы сделали технологически отсталые перерабатывающие отрасли промышленности еще более инвестиционно-непривлекательными, лишив их возможности модернизации за счет как собственных, так и привлеченных средств. Ценовой фактор также способствовал удорожанию производственных мощностей и соответствующему увеличению капиталоемкости производства и потребностях в капиталовложениях, поскольку в структуре издержек увеличился удельный вес продукции отраслей ТЭК и металлургии. Таким образом, конъюнктурная среда и структурные деформации, возникшие в экономике под ее влиянием, никаким образом не могли повысить эффективность использования собственности даже при условии изменения собственника.

Рассматривая экономическую роль собственника в «связке» с предпринимателем, целесообразно вспомнить методологическое предположение о максимизации полезности субъекта при всех типах действий, т.е. собственник-предприниматель в зависимости от внешних экономических обстоятельств будет использовать собственность так, чтобы она принесла наибольшую прибыль. Если ликвидационная стоимость объекта собственности (средства от продажи активов при ликвидации) будет большей чем стоимость участия (ценность полученных денежных потоков от использования собственности в хозяйственной деятельности), то с точки зрения предпринимателя от такой собственности следует избавиться. Поэтому, если предприниматель и собственник выступают в одной «связке», то эффективный собственник становится сразу ликвидатором объекта собственности, не имея никаких мотивов относительно повышения ее производительности. Экономическая ситуация в Украине наглядно подтвердила этот тезис. Новые частные собственники, получив при примененной модели приватизации фактически даром в свою собственность объекты, нерентабельные, технически и технологически отсталые, изношенные и бесперспективные с точки зрения конъюнктуры, сразу начали распродажу этих объектов, но уже не как целостных комплексов, а как его составляющих. Подобная ликвидация

физических активов лишь ускорила деградацию капитала, превратив его из производственной в товарную, а потом в денежную форму, из запасов – в доход, который "проедался".

Деградация основного капитала, которая не прекращается, в значительной мере может быть связана с изменениями форм собственности, а трансформацию отношений собственности нельзя считать успешной, поскольку она не привела к формированию эффективных собственников, существенному развитию предпринимательства, повышению конкурентоспособности производства [12, с.33; 26, с.36; 27, с.55]. Можно сказать, что приватизация и изменение форм собственности с государственной на негосударственную при одновременной либерализации внутренней и внешней хозяйственной деятельности привели к высвобождению потенциала структурных деформаций и технологической отсталости, вызвав тем самым преобладание у хозяйствующих субъектов мотивов эффективного предпринимателя над мотивами собственника. Это обернулось дальнейшим углублением структурных деформаций и свертыванием производства.

Приватизация не создала институт собственности по образцу развитых западных экономических систем, в которых его основой является свобода перераспределения имущественных прав между разными субъектами хозяйствования, каждый из которых наделен четко определенными правами и имеет возможность свободно их передавать. Это можно объяснить, с нашей точки зрения, довольно существенной институционально-культурологической особенностью Украины. Таковой является возникшее еще в досоветском периоде и значительно укрепленное после фактическое слияние института собственности и института власти, симбиозом которого выступил институт власти-собственности. Последняя характеризуется нераздельным единством властных и собственнических функций: политическое лидерство дает неотъемлемое право распоряжаться всей собственностью страны, а собственность органически требует наличия политического авторитета. Этот институт возникает тогда, когда происходит монополизация должностных функций в общественном разделении труда, когда власть и господство основаны не на частной собственности как таковой, а на высоком положении в традиционной общественной иерархии [28, с.18].

Советское государство выступало одновременно субъектом власти и субъектом хозяйствования. В период реформирования характер

взаимоотношений власти и экономики принципиально не изменился, поскольку главными инициаторами реформ выступила сама же власть, представители которой не спешили отказываться от своих притязаний на государственную собственность как источник личного обогащения. Приватизация лишь юридически закрепила бывшую государственную собственность за представителями номенклатуры, которая была до этого уже фактически распределена между ними². Поэтому в ходе "номенклатурной" приватизации состоялся не столько обмен власти на собственность, сколько слияние бизнес-элиты и политической элиты, укрепление имущественного состояния лиц, которые находятся у власти, превращение государственно-бюрократической собственности в частно-бюрократическую. Новоявленные бизнесмены и политики в своем подавляющем большинстве – это бывшая номенклатура или ее близкие родственники, чьи позиции в бизнесе являются производными от позиций во власти. Эффективность использования собственности до и после приватизации не изменилась, поскольку не изменилась самая природа этой собственности. Политическая борьба в Украине используется исключительно в целях повышения статуса ее участников во властной иерархии для обеспечения дальнейшего перераспределения в пользу победителей прежде приватизированного государственного имущества, получения ренты от использования этого имущества другими, реприватизации имущества политических оппонентов с целью их ослабления и устранения возможности оказаться у власти³. Как точно заметил в этой связи проф. А.Гриценко, в Украине отношения "собственность-власть" переворачиваются: не власть определяется собственностью, как в рыночных экономиках, а собственность – властью [29, с.56].

Альтернатива изменения такой формы собственности в постсоветский период в Украине, с нашей точки зрения, едва ли могла возникнуть, поскольку:

– на начало приватизации в населении отсутствовала предпринимательская прослойка, оно раньше было фактически оторвано от соб-

² более подробная сравнительная характеристика власти-собственности и частной собственности приведена в работе [28, с.25-26].

³ Примером может служить реприватизация в 2005 г. металлургического комбината "Криворожсталь", который принадлежал политическим оппонентам новой власти и был перепродан иностранцам, не принимающим участия в политической борьбе.

ственности и управления ею, а потому не готово взять на себя владение и ответственность за нее;

– имеющиеся финансовые ресурсы для денежной приватизации были чрезвычайно ограничены, поскольку она происходила на фоне массового обнищания населения вследствие инфляции и структурной ломки, и соответственно при слабом и несформированном финансовом секторе;

– ограниченность ресурсов в государстве породила совершенно естественное желание у собственников использовать власть как инструмент доступа к ним, в том числе к государственному бюджету, как к одному из наибольших в то время и сейчас финансовых доноров экономики.

Возможность использовать власть для доступа к ограниченным ресурсам, на наш взгляд, при экономических неудачах, которые потерпела власть-собственность при переходе к рыночному хозяйствованию, есть одна из причин⁴ возникновения политических лозунгов о необходимости существенного укрепления дееспособности государства, предоставления ей статуса основного субъекта политики экономического роста с выделением для этого государственных ресурсов. Это выглядит довольно парадоксально на фоне параллельного декларирования курса на разгосударствление и либерализацию экономической деятельности. По нашему мнению, власть-собственность таким образом старается лишь найти официальный повод для использования государственных ресурсов в своих собственных целях.

Считаем, что в дальнейшем едва ли удастся заменить полностью власть-собственность частной собственностью в чистом виде. Это связано как с медленной динамикой накопления ресурсов производства (капитализацией), соответствующим ограниченным доступом к ним (по сравнению с развитыми экономиками), так и с эволюцией форм производственных отношений и обусловленной ею общемировой тенденцией к увеличению доли участия государства в общественном производстве. В передовых странах доминируют вертикально-интегрированные производственные отношения и нарастают социализированные, поэтому в них преобладает экономика межотраслевых корпораций, а государство выступает "государством корпораций", которое действует в инте-

⁴ вместе с необходимостью преодоления классических рыночных провалов при экстерналиях и невозможностью рыночного саморегулирования.

ресах расширенного воспроизводства в первую очередь крупного корпоративного и национализированного индустриального капитала [30, с.3-4;31, с.32-33]. Для Украины не будет особенно грубой ошибкой предположить, что власть-собственность будет выступать как базис для формирования интегрированного и социализированного типа производственных отношений. Такое предположение имеет смысл, поскольку, например, в Российской Федерации в данное время происходят процессы интенсивного формирования интеграционных бизнес-групп, основанных на власти-собственности [28, с.77].

Чтобы более глубоко понять мотивы, определяющие действия власти в экономике, ее следует рассматривать как совокупность субъектов принятия политических решений (СППР) или группу агентов с общими интересами (группой интересов), которые получили в результате политической борьбы со своими оппонентами право принимать решения и требовать их выполнения от других. Эта группа вступает во взаимоотношения с другими экономическими и политическими субъектами, такими как группы давления, которые представляют интересы деловых кругов, и рядовыми избирателями или населением. Выделяется три типа идеальных взаимоотношений в зависимости от позиций, занятых ее участниками, а именно [32, с.40-41]:

– автономность правительства (или СППР) или его независимость в своих действиях от желаний групп давления и избирателей;

– консенсус СППР и групп давления ("консенсус элиты"), который предусматривает предоставление группам давления политической поддержки в обмен на осуществление выгодной им экономической политики;

– консенсус СППР и избирателей ("консенсус масс"), при котором первые ориентируются на запросы и преимущества вторых.

Считается, что в Украине власть тяготеет к первому типу взаимоотношений с другими субъектами [33, с.19]. По нашему мнению, более всего отвечает реальной практике как в Украине, так и в других странах консенсус власти и групп давления. Так, автономность может быть обеспечена лишь тогда, когда власть не может быть изменена при любых политических или экономических обстоятельствах. Политическую борьбу нельзя рассматривать как военное противостояние, где победитель получает все, а побежденный – ничего. На самом деле получение политической победы всегда связано с определенным компромиссом между первыми

и вторыми, когда побежденные идут на уступки при условии выполнения определенных требований победителями, а последние в свою очередь берут на себя обязательства эти требования выполнить, т.е. побежденные могут рассматриваться в качестве группы давления. Как обращает внимание проф. Г.Колодко, политика делится на официальную и теневую, реальные решения принимаются после неформальных обсуждений, которые учитывают политические расклады и положение отдельных групп интересов, в то время как официальная политика выступает лишь формальным и публичным инструментом реализации достигнутых ранее договоренностей [34, с.45-46]. Поскольку интересы не являются постоянными, соответственно не являются постоянными группы, которые их отстаивают, а поэтому, власть, функционируя в среде непостоянных интересов, сама становится непостоянной, подчиняясь влиянию тех групп, интересы которых преобладают в данный промежуток времени.

Так же, в практике консенсус между СППР и избирателями не может быть обеспечен, поскольку связь этих групп односторонняя и непаритетная, она четко обозначена лишь в направлении «к власти», тогда как «от власти» эта связь довольно туманная. Например, если рассматривать процесс получения власти как процесс обмена требований решения определенных проблем тех, кто избирает власть (избирателей), на обязательства (обещания) выполнить эти проблемы теми, кто на нее претендует, то в действительности, после получения власти вторыми, первые практически не имеют более менее действенных средств контроля и влияния на них на протяжении всей каденции между выборами. Публичные решения, сноватаки, по мнению Г.Колодко, всегда являются продвижением частных интересов и не имеют целью достижения общественного блага [34, с.45-46]. Такой же точки зрения придерживается и Д.Норт, который считает, что "при формировании институтов фактор социальной эффективности не обязательно и даже не так уже и часто играет решающую роль, скорее, институты или по крайней мере формальные правила создаются в интересах тех, кто имеет достаточную власть, чтобы генерировать полезные для себя правила" [35, с.9].

Связь власти и внешней среды взаимна. С одной стороны, власть создает для себя благоприятную внешнюю среду, принимая те или иные приемлемые для себя правила игры, но, с другой стороны, толчком к принятию этих правил выступает сама внешняя среда. Поэтому

последняя является экзогенным ограничением, которое определяет деятельность власти, ограничивает набор альтернативных решений, которые власть может реально воплотить, формируя тем самым определенную структуру ее взаимоотношений с другими субъектами и взаимоотношений субъектов между собой.

Подытоживая все вышеизложенное, можно утверждать, что углубление структурных деформаций и обусловленное ими нарушение процессов воспроизводства основного капитала не могло быть приостановлено с помощью государственного регулирования вследствие существования в Украине такого институционального феномена, как власть-собственность. Государство, в лице власти-собственности, исходя из имеющихся ресурсов и производственных возможностей, создавая для себя соответствующие правила, действовала в экономике как предприниматель, исключительно под воздействием краткосрочной конъюнктуры мировых рынков, не задумываясь о долгосрочных перспективах, а потому поддерживало лишь те экспортно-ориентированные отрасли, которые могли в данное время выдержать конкуренцию на этих рынках. На фоне общей технико-технологической отсталости и имеющихся производственных возможностей к субъектам государственной поддержки были отнесены лишь базовые отрасли промышленности (ресурсно-добывающие и первичной обработки) и отдельные предприятия военно-промышленного комплекса, продукция которых экспортировалась. В этих отраслях также сформировались мощные группы давления (лобби), которые отстаивали свои интересы, создавая с помощью власти приемлемую для себя законодательную базу (см. например, [36]). Вместе с тем перерабатывающие и фондосоздающие отрасли, производственная база и продукция которых были технологически отсталыми, а потому неконкурентоспособными на мировых рынках, оказались за пределами государственной поддержки. В связи с наличием названных институциональных особенностей можно ожидать в дальнейшем продолжение деиндустриализации производства, прогрессирующего старения производственной базы, износа и технологической отсталости основного капитала, что никоим образом не будет оказывать положительного влияния на улучшение процессов его воспроизводства.

Литература

1. Економічна енциклопедія: У трьох томах. Т.1. / Редкол.: С.В. Мочерний (відп. ред.) та ін.

– К.: Видавничий центр "Академія", 2000. – 864 с.

2. Основи економічної теорії: політекономічний аспект./ Відп. ред. Г.Н. Климко. – 4-те вид., перероб і доп. – К.: Знання-Прес, 2002. – 615 с.

3. Відтворення основних і оборотних фондів: Монографія. / М. Герасимчук, В. Бурлака, І. Галиця та ін.; відп. ред. М. Герасимчук. – К.: Ін-т економіки НАН України, 2002. – 206 с.

4. Лукинов И. Воспроизводство и цены. – М., «Экономика», 1977. – 431 с.

5. Національні заощадження та економічне зростання / Ін-т економічного прогнозування НАН України; за ред. Б.Є. Кваснюка. – К.: "МП Леся", 2000. – 304 с.

6. Болховитинова Е. Накопление основных фондов Украины: итоги и перспективы. – К.: Наукова думка, 1993. – 152 с.

7. Плышевский Б. Проблемы воспроизводства в современных условиях. // Экономист. – 1997. – №1 – С.25-37.

8. Введение в институциональную экономику. Под ред. Д.С. Львова. – М.: «Издательство «Экономика», 2005. – 639 с.

9. Радаев В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы. // Экономическая социология, Том 2. – №3. – 2001. – С.5-25.

10. Статистичний щорічник України за 1995 рік. – К.: Техніка, 1996. – 576 с.

11. Статистичний щорічник України за 2004 рік. – К.: Вид-во «Консультант», 2005. – 588 с.

12. Дорогунцов С., Чижова В. Методологічні проблеми відтворення основного капіталу в трансформаційний період. // Економіка України. – 2002. – №12. – С.29-34.

13. Кушлин В. Движущие силы эволюции национальной экономики. – Экономист. – 2003. – №8. – С.3-11.

14. Управление социально-экономическим развитием России: концепции, цели, механизмы / Рук. авт. кол.: Д.С.Львов, А.Г.Поршнев; Гос. ун-т упр., Отд-ние экономики РАН. – М.: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2002. – 702 с.

15. Послання Президента України до Верховної Ради України про внутрішнє і зовнішнє становище України у 2003 році. – К.: ІВЦ Держкомстату України, 2004. – 472 с.

16. Основні засоби України. Статистичний збірник. – К.: Держкомстат, 2003. – 121 с.

17. Гесць В. Деякі порівняльні ознаки трансформаційних моделей економіки України і Росії // Економіка України. – 2005. – №5. – С.4-17.

18. Постсоветский институционализм. / Под ред. Р.М.Нуреева, В.В.Дементьева. – Донецк: «Каштан», 2005. – 480 с.
19. Гриценко А. Структура ринкового трансформування інверсійного типу. // Економіка України. – 1997. – №1. – С.4-10.
20. Богиня Д., Волинський Г. Структурна перебудова економіки і проблема інвестицій. // Економіка України. – 1997. – №12. – С.41-50.
21. Любимцева С. Структурная модернизация экономики. // Экономист. – 2003. – №2. – С.12-31.
22. Кваснюк Б. Структурна перебудова економіки та її ресурси // Економіка України. – 2003. – №11. – С.18-28.
23. Литвинцева Г.П. Кризис инвестиций как результат несоответствия структурно-технологических характеристик экономики ее институциональному устройству. // Проблемы прогнозирования. – 2003. – №6. – С.23-40.
24. Геєць В. Структура економіки і структурна політика її стабілізації. // Економіка України. – 1995. – №4. – С.15-29.
25. Економіка України: стратегія і політика довгострокового розвитку / За ред. акад. НАН України В.М.Гейця. – К.: Ін-т екон. прогнозув.; Фенікс, 2003. – 1008 с.
26. Богиня Д., Волинський Г. Соціально-економічні аспекти великої приватизації: цілі та результати. // Економіка України. – 2002. – №12. – С.35-43.
27. Єрохін С. Структурна трансформація національної економіки. // Економіка України. – 2002. – №11. – С.55-58.
28. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ). В 3-х частях. Ч.1. Домохозяйства современной России / Московский общественный научный фонд. / Под ред. д.э.н., проф. Р.М.Нуреева. – М., 2003. – 319 с.
29. Гриценко А. Спільно-роздільні відносини: праця, власність, влада. // Економіка України. – 2003. – №3. – С.50-58.
30. Губанов С. Промышленная политика и государство. // Экономист. – 2004. – №7. – С.3-14.
31. Кузьмин С. Сдвиги и проблемы в социально-экономическом развитии России. // Экономист. – 2002. – №7. – С.26-35.
32. Афонцев С. Экономическая политика и модели экономического развития. // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – №4. – С.40-47.
33. Економічний розвиток України: інституціональне та ресурсне забезпечення: Монографія / О.М. Алимов, А.І. Даниленко, В.М. Трегобчук та ін. – К.: Об'єднаний ін-т економіки НАН України, 2005. – 540 с.
34. Колодко Г. Институты, политика и экономический рост. // Вопросы экономики. – 2004. – №7. – С.35-50.
35. Шаванс Б. Типы и уровни правил в организациях, институтах и системах. // Вопросы экономики. – 2003. – №6 – С.4-21.
36. Трошина А. Бизнес и парламент: перспективы влияния. «Партия ГМК» получила весьма значительное представительство в Верховной Раде по итогам мартовских выборов. // Металл бюллетень. Украина. – 2006. – №4 (106). – С.2-5.

Статья поступила в редакцию 30.10.2006